

Глава 5

Фан Чжао проследил за его взглядом: «Чу Мянью? По-моему, он днём почти не спал, сейчас вполне бодрый».

Юй Жань начал беспокоиться: «А вдруг он уснёт, переходя дорогу?»

«Да не так всё серьёзно...»

«Ты не знаешь, это именно настолько серьёзно». Юй Жань вспомнил, как впервые увидел Чу Мянью — тот тоже внезапно заснул в опасной ситуации. «Я присмотрю за ним, ты подожди».

Юй Жань быстро доел шоколадную глазурь с рожка «Кэайдо» и побежал к ближайшему пешеходному переходу.

В наушниках Чу Мянью играла агрессивная индастриал-метал музыка. Несколько впереди идущих пешеходов начали переходить дорогу, и он, не задумываясь, последовал за толпой.

В этот момент краем глаза он заметил чью-то спешащую тень. Чу Мянью почувствовал неладное и инстинктивно прижал рукой карман с телефоном и кошельком, но не ожидал, что в следующую секунду кто-то врежется ему прямо в грудь.

От неожиданного удара его тело невольно отшатнулось на несколько шагов назад, пятка ударилась о бордюр, и он, потеряв равновесие, полетел назад. Наушники выпали, в поле зрения осталось только бездонное голубое небо.

Чу Мянью почувствовал, что его прижали к земле. Он инстинктивно поднял локоть, готовясь ударить противника в голову или шею — в уязвимые места, но, к счастью, Юй Жань вовремя крикнул, останавливая его: «Ты что, на светофор не смотришь, когда дорогу переходишь?!»

Чу Мянью опешил, опустил руку и с удивлением уставился на Юй Жаня, лежащего у него на груди.

Юй Жань быстро вскочил, заодно потянув Чу Мянью за руку, чтобы и тот поднялся. Тоном, каким в детстве мать отчитывала ребёнка за беготню по проезжей части, он сказал: «Другие идут вперёд — и ты идёшь. На красный свет пошёл, даже не заметил? Хорошо ещё, что машины ехали не быстро, а то взлетел бы ты в небо — только «вжух» и поминай как звали!»

Чу Мянью нахмурился, посмотрел на свою ладонь — она вся перепачкалась в грязной пыли и песке с дорожного бордюра. По сравнению с нечаянным переходом на красный, грязь на коже вызвала у него куда большую тревогу. Сейчас хотелось только одного — поскорее добраться домой и отмыться.

«Спасибо за предупреждение». Чу Мянью постарался сохранить внешнее спокойствие, сдерживая раздражение на Юй Жаня. «Но ты выскочил внезапно — это было страшнее».

Губы Юй Жаня шевельнулись, он хотел что-то сказать, но передумал. Он думал, что, угостив Чу Мянью конфетой, они смогут в будущем ладить, но оказалось, что тот по-прежнему держит дистанцию, словно и не собирается сближаться с одноклассниками.

«Опять он со мной цацкается». Юй Жань тихо фыркнул, пожал плечами и вернулся ждать автобус.

«А эта сцена у вас была — ну прямо как у главных героев», — искренне заметил Фан Чжао. «Я как-то смотрел с двоюродной сестрой один тайваньский сериал: главные герои среди ночи упали на дороге, и знаешь, что было дальше?

— они, лёжа на земле, поцеловались! Вот совпадение! А водители вокруг ещё и фарами им подсветили. Будь я на их месте, просто нажал бы на газ и переехал их».

Юй Жань нагнулся, отряхивая штанины, и снова услышал голос Фан Чжао: «Хорошо, что ты низкий, а то при таком расстоянии ты бы, наверное, уже зацеловал Чу Мянью».

Юй Жань резко вскинул голову: «Кто низкий?!»

По сравнению со «словом «зацеловал»» Юй Жаня явно больше задела тема роста. Он мгновенно выпрямился, широкими шагами подошёл к Фан Чжао: «Я ещё выше тебя!»

Фан Чжао привстал на цыпочки: «Я имею в виду, по сравнению с Чу Мянью!»

Юй Жань прямо подпрыгнул: «Я сейчас выше него!»

«Ты что, детский сад?!»

— Фан Чжао надавил Юй Жаню на плечо, пытаясь силой пригнуть его пониже. «Хочешь с небом силой мериться?!»

Оба с головой ушли в радость возни и смеха на автобусной остановке, благополучно пропустив один 861-й автобус.

Когда Юй Жань добрался до дома, Ли Гуйжун не могла не отчитать его: еда почти остыла, а он только и знает, что играть на улице.

Юй Жань с жаром оправдывался: рассказал, что после уроков героически спас одноклассника,

который чуть не попал под машину, переходя на красный свет. Тот, по его словам, был так благодарен, что прямо на месте рухнул на колени и трижды стукнулся лбом об землю, поклявшись, что вовек не забудет этой милости. «Вот увидишь, он ещё придёт к нам домой вручать почётное знамя».

Ли Гуйжун привыкла к тому, что старший сын то и дело с невозмутимым видом несёт околесицу, и только закатила на него глаза. Зато Юй Цзинь принял слова брата за чистую монету и смотрел на него с восхищением: «Правда?! А на знамени напишут «Живой Лэй Фэн»?»

Юй Жань, сделав вид, что глубоко задумался, изрёк: «Наверное, напишут «Возвращаю к жизни чудесным врачеванием»».

«Напишут «Бесстыжий»!»

— Ли Гуйжун стукнула его палочками по голове. «Да кто вообще с тобой в школе водится? Одноклассники, небось, считают, что ты слишком бешеный и их развратишь».

«А вот посмотрим», — самоуверенным тоном заявил Юй Жань. «Я буду заводить по одному другу в день! Сто семь наберу — и на Ляншань!»

Ли Гуйжун пнула его: «Давай ешь быстрее!»

Глава 6. Меме

Зажглись огни. Чу Мянй вернулся в посёлок Ханьнин в центре города Жунган.

Из крана полилась тёплая вода. Он медленно смывал пену с пальцев. Тётя окликнула его снаружи: «Меме, твоя мама сегодня днём звонила, сказала, что устроила для тебя в школе комнату отдыха, чтобы ты мог там спать днём».

Пальцы Чу Мянй на мгновение замерли.

Тётя, не дождавшись ответа, спросила: «Меме, ты меня слышишь?»

Чу Мянй не удержался от горькой усмешки. Страхнув капли воды с рук, он повысил голос: «Пусть лучше сразу построит для меня общежитие при школе. Разве это не было бы удобнее?»

Тётя замолчала за обеденным столом, слыша, как в ванной гудит сушилка для рук. Когда Чу Мянй вымыл руки, вышел и сел, она осторожно спросила: «Тогда я позвоню ей и скажу, что ты сам разберёшься, ладно?»

«Не обращай на неё внимания». Чу Мянью неторопливо перемешал свою порцию овощного салата и отправил в рот спелый помидор черри. «Она вечно из мухи делает слона. Расписала школе, как моя болезнь влияет на жизнь, и теперь все учителя оказывают мне особое внимание».

Проглотив сладкий томатный сок, Чу Мянью продолжил ровным, лишённым эмоций тоном: «Знаешь, в школьной столовой для меня даже отдельное окно сделали. Чего она хочет добиться? Чтобы я каждый день в обед ловил на себе взгляды всех присутствующих?»

С каких-то пор, стоило заговорить о матери, на красивом лице юноши невольно появлялось выражение беспомощной отстранённости. Тётя Чу Хэн, видя его эмоции, попыталась утешить как могла: «Всё-таки её нет рядом с тобой, и она не всегда знает, как правильно выразить свою любовь. Когда будет время, поговори с ней, или я могу передать...»

«Не надо. Я сказал, не обращай на неё внимания». Чу Мянью посмотрел прямо в глаза молодой женщине. «Она хочет быть просто «барышней», но чувство вины за то, что она не выполняет родительский долг, не даёт ей покоя. Вот она и пытается бесконечно ублажать себя этой так называемой «заботой о сыне», а в результате ставит меня в неловкое положение. Ты понимаешь?»

Как только юноша договорил, Чу Хэн почувствовала исходящее от его ледяного взгляда давящее напряжение. На миг она растерялась, а когда пришла в себя и снова посмотрела на Чу Мянью, тот уже молча опустил голову и сосредоточенно резал говядину на тарелке на маленькие кусочки, аккуратно и быстро отправляя их в рот.

Чу Хэн в душе вздохнула, поражаясь не по годам развитому хладнокровию этого мальчика. Она полностью соглашалась с его словами, поэтому решительно перевела разговор на другую, менее неприятную для него тему, и атмосфера вернулась к обычной лёгкости: «Слушай, в этом году открыли для посещения съёмочную площадку «Гарри Поттера». Может, съездим на осенние каникулы? Я в Инстаграме много фоток видела, очень интересно».

Чу Мянью не проявил особого энтузиазма, но всё же согласился на эту поездку. Чу Хэн, поужинав, с воодушевлением ушла в свою комнату прокладывать маршрут. По сравнению со своим пятнадцатилетним племянником, она явно была более ребячливой.

С начала девятого класса Чу Мянью под предлогом того, что «рядом с родителями чувствует слишком большое давление», переехал жить к тётке. Чу Хэн была веб-мангакой со свободным графиком и в свободное время помогала Чу Мянью следить за сбалансированностью питания. К тому же ей было всего двадцать пять, и разрыв в поколениях с Чу Мянью был не слишком велик. Их отношения больше напоминали дружеские — они могли вместе развлекаться и заботиться друг о друге.

«Вот эту миску, из которой ты суп пьёшь...»

— Чу Мянью, не доев и половины, нахмурился и, колебавшись, посмотрел на Чу Хэн.

Чу Хэн заглянула в миску и обнаружила, что на белом фарфоре кто-то — когда успел?

— маркером написал пять иероглифов: «Миска для супа Меме».

«Ай, они все слишком похожи... Иногда я путаю».

«Ты бы хоть смотрела, прежде чем брать. Такая невнимательность у тебя не в первый раз».

«Ладно-ладно, завтра же куплю себе новый набор, а эти все тебе оставлю».

— Чу Хэн поддразнила его. «Можешь писать на них что хочешь, идёт?»

Под влиянием материнского воспитания Чу Мянью с детства любил отделять свои вещи от чужих. К тому же у него была лёгкая форма чистоплотности: посуду, которой он пользовался, он обязательно помечал своим именем, чтобы никто другой случайно не взял. Дома он редко пользовался чем-то совместно с тётей, поэтому Чу Хэн часто находила по всему дому стикеры с надписями «пульт Меме», «подушка Меме», «соковыжималка Меме»

— словно безмолвные предупреждения юноши.

Спустилась ночь. Чу Мянью сидел на мягком кресле на балконе, отдыхая. Взгляд его был устремлён на сверкающие огни делового района Жунгана и на сверкающую рябь реки Ланьцзян. Ночной ветер, перелетев через водную гладь, нежно касался его лица. На руках у него лежала белоснежная змея. Среди мультигенных королевских питонов её полностью белый окрас специально назывался «Белое свадебное платье». Чу Мянью же дал ей имя — «Фиона».

Фиона была, пожалуй, самым близким Чу Мянью существом. Она была превосходного вида, с кротким нравом, часто трусливо сворачивалась в клубок. Чу Мянью заботился о ней уже два года, и сейчас её тело почти достигло толщины юношеской руки.

Чу Мянью погладил её гладкую чешую, дал ей обвиться вокруг своего предплечья, встал и пошёл в гостиную за рюкзаком.

Чу Хэн, сидя за компьютером, читала зарубежные репортажи о съёмочной площадке «Гарри Поттера». Она как раз раздумывала, не надеть ли в самолёт мантию факультета Гриффиндор, как вдруг, обернувшись, увидела Чу Мянью, который с невозмутимым видом входил в комнату, держа на руках змею. На её лице мгновенно отразился такой ужас, будто она увидела самого Волан-де-Морта. Визжа, она схватила клавиатуру, готовясь отразить «Аваду Кедавр».

«Будешь конфету?»

— Чу Мянью помахал в воздухе связкой леденцов «Альпийские». Когда Чу Хэн, ещё не

оправившись от испуга, кивнула, он намеренно сделал шаг вперёд с Фионой на руках, заставив Чу Хэн вскочить на кровать и размахивать подушкой.

Уголки губ Чу Мянэ чуть заметно приподнялись, на лице появилось спокойное, невинное выражение. Он легонько бросил конфету.

«Ты же вроде завязал с конфетами?»

— спросила Чу Хэн, забившись в угол.

«Мне дали. Съешь за меня».

«Одноклассник?»

— в глазах Чу Хэн зажёгся огонёк. «Уже успел подружиться?»

«Не друг».

— Чу Мянэ отрицательно покачал головой, и в его сознании сама собой всплыла смутная картинка лица Юй Жаня. «Как бы это сказать... Просто человек, который непонятно почему проявляет к другим излишнее внимание».

«Это же замечательно. Тебе нужно больше общаться с такими живыми ребятами, тогда и сам станешь более открытым».

— Чу Хэн пристально посмотрела на Чу Мянэ и с расстановкой произнесла: «Не отказывайся от дружбы только потому, что поддерживать её хлопотно. Настоящий друг не посчитает тебя обузой, Меме».

Чу Мянэ опустил голову, уклоняясь от её взгляда. Его до этого ровное настроение вдруг в одно мгновение стало тревожным. Кончики пальцев нервно поглаживали узор на коже Фионы, словно он пытался успокоиться, успокаивая её.

«Много болтаешь».

— Чу Мянэ холодно бросил эти слова и, обняв змею, вышел из поля зрения Чу Хэн.

Чу Хэн развернула виноградный леденец, сунула его в рот и не могла не беспокоиться о племяннике. В её памяти маленький Чу Мянэ тоже был озорным мальчишкой, который, удачно подшутив над взрослыми, заливался неудержимым смехом. Но, взрослея, он становился всё тише, замкнутее и даже холоден с людьми.

Главная причина крылась в его «нарколепсии»

— заболевании, при котором невозможно контролировать не только сон, но и сопровождающие его приступы катаплексии. Катаплексия чаще всего случалась в моменты сильного смеха, крайней печали или гнева. Поэтому Чу Мяню приходилось постоянно поддерживать ровное эмоциональное состояние, иначе при малейшем волнении он мог внезапно лишиться сил и упасть. Если ему хотелось от души посмеяться, нужно было заранее найти опору, чтобы не пораниться при падении.

За исключением редких случаев, во время приступов катаплексии Чу Мянью оставался в сознании и мог нормально разговаривать. Поэтому прошлым летом, после выпускных экзаменов в средней школе, чтобы тренировать способность контролировать эмоции, он специально попросил тётю читать ему вслух «Сборник анекдотов» и смешные истории из интернета.

Когда Чу Хэн прочитала: «Я прожил 42 года, эти две — самые скучные люди, которых я встречал», Чу Мянью изо всех сил прикусил нижнюю губу, стараясь не рассмеяться вслух, но всё равно потерял силы и рухнул на кровать.

Минуту спустя Чу Мянью пришёл в себя и сел.

Чу Хэн с жалостью спросила его: «Будешь ещё слушать?»

«Да».

Чу Хэн, не выдержав, сказала: «Тогда я прочту тебе что-нибудь не очень смешное... Это написал профессор Инь...»

«Ха...»

— уголки губ Чу Мянью дрогнули, и он снова, потеряв силы, повалился на кровать.

Поскольку от природы у него был низкий порог смеха, Чу Хэн пришлось повторять это снова и снова, пока она не прочла ему целых тридцать страниц, и только тогда он устал настолько, что больше не мог смеяться. Даже если потом попадалось что-то очень забавное, Чу Мянью только вяло, лёжа на кровати, выдавливал: «Занятно».

Для обычного человека «громкий смех»

— символ радости в данный момент, но для Чу Мянью это был риск, сочетающий радость и боль. Особенно в весёлой, оживлённой компании: если он вдруг рухнет на пол, это не только поставит его самого в неловкое положение, но и заставит других растеряться.

Поэтому, помимо приёма лекарств от катаплексии, он принудительно удерживал свои эмоции в безопасном диапазоне. Это означало, что к любым развлечениям он должен был подходить с осторожностью.

Это действительно помогло облегчить симптомы катаплексии, но Чу Хэн очень беспокоилась, что Чу Мян, из-за своего чувства собственного достоинства, упустит возможность повеселиться вместе с одноклассниками.

Впрочем, Чу Мян это, казалось, не волновало. Когда староста добавила его в групповой чат класса, он сразу же отключил уведомления. Когда одноклассники пытались добавиться к нему в друзья, он отвечал на их приветствия только автоответчиком. Куда больше, чем заводить с ними дружбу, Чу Мян заботился об учёбе — самым позорным для него было не упасть в обморок на людях, а не занять первое место в такой обычной школе, как Чэнцзюнь.

Именно потому, что он спал каждый день дольше других, он должен был удваивать усилия в часы бодрствования. Он убрал Фиону обратно в террариум, сел за письменный стол и принялся старательно заучивать наизусть «Предисловие к «Павильону князя Тэна»» вместе с комментариями под текстом, планируя до конца осенних каникул уверенно освоить все обязательные к заучиванию произведения из пяти учебников по литературе.

Закончив повторять сегодняшний урок, Чу Мян, как обычно, достал чёрную кожаную записную книжку. На форзаце аккуратным почерком, выведенным очень давно, было написано: «Всё, что ненавидит Меме».

«Меме»

— это домашнее прозвище, которым семья называла Чу Мян до семи лет. Говорили, что, когда он только научился говорить, он постоянно произносил «Чу Мян» как «Чу Меме», поэтому все стали называть его «Меме».

После того как он пошёл в начальную школу, родители, видимо, решили, что у мальчика начинает формироваться самостоятельное сознание, и стали называть его просто полным именем, чтобы потом Чу Мян не упрекал их за слишком сюсюкающее прозвище. Но на самом деле Чу Мян больше нравилось, когда взрослые ласково называли его «Меме». Однако теперь так его называла только тётя.

Чу Мян открыл «Всё, что ненавидит Меме» на последней исписанной странице.

□Август 2012 года□

1. Суп из зелёных бобов, который варит тётя. Невкусно.2. Чехол для телефона. Толстый.3. Спираль от комаров. Едкая.4. Bluetooth-гарнитура. Давит на ухо.5. Чернила на углеродной основе.....38. Комсомольский комитет. Интуиция.39. Звонок с урока в Чэнцзюне. Какая-то грустная мелодия, хотя все любят, когда уроки кончаются.40.

Привычно написав круглое число, Чу Мянй задумался, чем заполнить эту позицию. Кончик ручки сначала замер, а затем плавно лёг на бумагу, выведя четыре аккуратных иероглифа.

«Юй Жань. Маггл».

<http://bllate.org/book/15486/2298932>